

Бібліографічні посилання

1. *Ingen F. van. Der Dreißigjährige Krieg in der Literatur / F. van Ingen // Zwischen Gegenreformation und Frühaufklärung: Späthumanismus, Barock. 1570–1740 / Hrsg. von H. Steinhausen. – Serie: Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte : in 10 Bd. / Hrsg. von H. A. Glaser. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1985. – Bd. 3. – S. 237–256.*
2. *Anton Ulrich von Braunschweig. Die Durchleuchtige Syrerin Aramena : in 5 Th. – Th. I–V / Anton Ulrich von Braunschweig.. – Nürnberg : In Verlegung Johann Hoffmann / Buch- und Kunsthändlers, gedruckt daselbst / durch Johann Philipp Miltenberger, Christoph Gerhardt, 1670–1678. – Th. I. – 662 s. ; Th. II. – 744 s. ; Th. III. – 716 s. ; Th. IV. – 880 s. ; Th. V. – 880 s.*
3. *Grimmelshausen H. J. Ch. Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch / H. J. Ch. Grimmelshausen // Grimmelshausens Werke : in 4 Bd. / Hrsg. von den Nationalen Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur in Weimar / Ausgew. u. eingel. von S. Streller. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1984. – Bd. 1. – 339 s.; Bd. 2. – 351 s. – (Bibliothek deutscher Klassiker).*
4. *Merkel I. Philosophie / I. Merkel // Zwischen Gegenreformation und Frühaufklärung: Späthumanismus, Barock. 1570–1740 / Hrsg. von H. Steinhausen. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1985. – Bd. 3. – S. 88–100. – (Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte : in 10 Bd. / Hrsg. von H. A. Glaser).*
5. *Hettner H. Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert : in 2 Bd. / H. Hettner. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1979. – Bd. 1. – 792 s.*
6. *Bürger Th. August Bohse / Th. Bürger // Deutsche Schriftsteller im Porträt : in 2 Bd. / Hrsg. von M. Bircher. – München : Verlag C. H. Beck, 1979. – Bd. 1. – S. 43.*
7. *Rötzer H. G. Der Roman des Barock 1600–1700. Kommentar zu einer Epoche / H. G. Rötzer. – München ; Winkler Verlag, 1972. – 188 s.*
8. *Goedecke K. Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung / K. Goedecke. – Dresden : Verlag von L. Ehlermann, 1977. – 384 s.*
9. *Hauptwerke der deutschen Literatur. Darstellungen und Interpretationen / Hrsg. von M. Kluge und R. Radler. – München : Kindler Verlag, 1974. – 623 s.*
10. *Metzler Autoren Lexikon. Deutschsprachige Dichter und Schriftsteller vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von B. Lutz. – Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1986. – 673 s.*
11. *Bohse A. Die Albanische Sulma / A. Bohse. – Cölln : Peter Marteau, Anno 1689. – 496 s.*
12. *Bohse A. Die Liebenswürdige Europäerin Constantine / A. Bohse. – Frankfurth ; Leipzig : Verlegts Christoph Hülfze, Anno 1698. – 612 s.*

Надійшла до редколегії 12.04.2012 р.

УДК 821.111 – 1.«16», «17»

О. В. Родный

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ИСТОКИ РУССКОЙ СМЕХОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII В.: К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СМЕХА

Розглянуто різні погляди на походження російської сатиричної повісті XVII ст.
Ключові слова: сміх, культура, повість, комічне, трагічне, поетика, вплив.

Рассматриваются различные точки зрения на происхождение русской сатирической повести XVII в.

Ключевые слова: смех, культура, повесть, комическое, трагическое, поэтика, влияние.

The different perspectives on the origins of Russian satirical novel of the 17th century are treated.

Key words: laughter, culture, story, comic, tragic, poetic, influence.

Смеховой литературе XVII ст. в отечественном литературоведении уделялось достаточно большое внимание еще до появления работ В. П. Адриановой-Перетц. Несмотря на то что исследования ограничиваются отдельными произведениями смеховой литературы, анализировались довольно важные ее аспекты. В особенности научные изыскания посвящены, с одной стороны, проблемам возникновения «смеховой литературы» на Руси; с другой стороны – характеру комического начала в ней.

А. Н. Веселовский, исследуя влияние западноевропейской литературы на появление повествовательных рассказов на Руси в XVI–XVII вв., связывает «смехотворные рассказы» с западными источниками. По его мнению, кроме «Повести о Шемякином суде», источники которой восходят к восточным рассказам, остальные «смехотворные рассказы» представляют собой результат влияния западноевропейской литературы, пришедшей главным образом через польские пересказы. Например, по его мнению, в основе сюжета «Повести о бражнике» лежат французские фавлю о крестьянине и немецкие легенды о мельнике, а «Сказание о роскошном житии и веселии» – переделка известного на Западе рассказа о «*raus de Coquaigne* и *Schlaraffenland*», который пришел на Русь при посредстве польской переделки. Кроме того, он возводит «Сказание о куре и лисице» к западному животному эпосу, а «Повесть о Фоме и Ереме» – к западной «смехотворной повести».

Исследование А. Н. Веселовского во многом определял подход других исследователей к изучению данного литературного явления до появления работ В. П. Адриановой-Перетц. Вслед за А. Н. Веселовским исследователи рассматривали тексты смеховой литературы в основном в связи с западными источниками. Например, Л. З. Колмачевский, разделяя мнение А. Н. Веселовского, связывает «Сказание о куре и лисице» с западными животными эпосами, особенно с романами о Ренаре (*Reynard*). А. Н. Пыпин также возводит «Сказание о куре и лисице» к западным животным эпосам. В. Бобров, утверждая, что устная сказка о куре и лисице была популярна во время «летописца Нестора», делает вывод, что «по искусственности, натянутости, сатирическому элементу и по мотиву об исповедании петуха лисой эта сказка более подходит к западным версиям, чем к русским звериным сказкам».

Что касается «Повести о Шемякином суде», то сравнительно-литературоведческий подход к ней обусловлен в первую очередь самими заглавиями некоторых ее рукописей: «Суд Шемяки судьи, выписано ис полских книг» или «Суд Шемякин. Выписано ис книги з жарт полских». Исследователи уделяют особое внимание проблемам сходства «Повести о Шемякином суде» с разными иностранными «параллелями», с одной стороны, и ее «русификации» – с другой. Например, Н. С. Тихонравов, рассматривая «Повесть о Шемякином суде» в связи с польскими параллелями, обращает особое внимание на ее сходство с польской стихотворной фацецией поэта Миколая Рея: «О человеке, который показывал судье камень». А. Н. Пыпин сначала отрицал связь «Повести о Шемякином суде» с польским оригиналом, указывая на отсутствие полонизма в ней. Но позднее он, отмечая сюжетное сходство этой повести с другими иностранными произведениями, указывает на ее сходство с тибетским сказанием о Дзангуне. М. И. Сухомлинов, как и А. Н. Веселовский, рассматривает данную повесть во взаимосвязи с еврейскими сказаниями о суде. Подавляющий интерес исследователей к сходству повести с аналогичными иностранными «параллелями» станет более понятным,

если сравнить их работы с работами советского периода, в которых преобладает стремление возводить «Повесть о Шемякином суде» к русской традиционной устной сказке.

В самом деле, проблема влияния западноевропейской смеховой литературы на появление смеховой литературы XVII в. на Руси требует дальнейшего исследования. В частности, стоит уделить внимание связи некоторых произведений русской смеховой литературы с литературой польской, совизжальской, поскольку между ними обнаруживаются сходные черты. Однако мы считаем, что нельзя возводить возникновение смеховой литературы в целом к влиянию чужой культуры. Цель нашей статьи – обозначить национально-исторические корни русской смеховой литературы XVII в.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский предлагают «объяснить появление подобных текстов (то есть смеховой литературы. – *О. Р.*) влиянием Юго-Западной Руси на великорусскую книжную культуру, столь характерным в XVII веке» [3, с. 157]. А. М. Панченко, подвергая критике их мнение, правильно утверждает, что «высокое художественное качество русских смеховых произведений, зафиксированных в письменности с первых десятилетий XVII в., заставляет думать об оригинальном их происхождении: совершенство предполагает более или менее длительный период ученичества» [4, с. 363].

Кроме того, по мнению А. М. Панченко, есть данные, позволяющие утверждать, что русская смеховая литература родилась до XVII в. Во-первых, это сочинение Даниила Заточника, который является «представителем» смеховой литературы. Во-вторых, в тех древнейших русских епитимейниках, содержащих перечень грехов и церковных наказаний, по которым исповедовались верующие в XII–XIII вв., есть такой исповедный вопрос: «Ли преложит еси книжная словес на хулное слово или на кощюнно?» По мнению А. М. Панченко, этот вопрос, в свою очередь, предполагает, что в этот период существовало переложение церковных текстов на «хулное слово» и на «кощюнно».

Первые исследователи смеховой литературы XVII в. уделяют пристальное внимание характеру комического в ней. Например, А. Н. Веселовский определяет комическое как легкую шуточность. По его мнению, «смехотворные рассказы» могли приниматься охотно, потому что их смех и сатира, не затрагивая глубоких вопросов, жизненной оценки, таким нехитрым определением, как умелость или неудачливость, ловкость или тупость и т. п., отвечали потребностям народного юмора, нередко находившего в них вновь свои собственные сюжеты, и не противоречили установившимся нравственным воззрениям, только заменяя их серьезный тон шутивым.

А. С. Архангельский разделяет «смеховые рассказы» на две группы повествования: повествование, которое «вообще переходит на почву каламбура, шутки, пародии – иногда даже над предметами церковными, религиозными», и повествование, которое «переходит на почву общественной сатиры, придавая своему рассказу шутиливую форму „челобитной“, „суднаго дела“ или „сказки“, – иногда даже церковнаго „канона“, „тропаря“, церковной „службы“». К первой группе принадлежат «Повести о роскошном житии и веселии», «Повесть о Фоме и Ереме» и «История о прекрасном куре доброгласном, как он прииде на покаяние к лисице, к премудрой духовнице» и др., ко второй – «Повесть о Шемякином суде», «Судное дело о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникова», «Челобитная монахов Калязинскаго монастыря», «О попе Саве, большой славе», «Служба кабаку» и т. п.

Таким образом, разделяя мнение А. Н. Веселовского о том, что западные смехотворные повести, пришедшие на Руси, соответствуют понятию юмора, А. С. Архангельский считает, что некоторые из них превратились в общественную сатиру на ту сторону окружающей действительности, которая более всего бросалась

народу в глаза, сильнее отражалась на нем. Но его понятие «общественной сатиры», на наш взгляд, отличается от понятия «сатира», позже употреблявшегося В. П. Адриановой-Перетц для объяснения характера «демократической сатиры». Понятие «общественной сатиры» А. С. Архангельского соответствует понятию «сатиры шуточной» Ф. Шиллера, который сатиру разделяет на два вида: «сатирическим бывает поэт, когда предмет своим избирает отдаление от природы и противоречие между действительностью и идеалом (в воздействии на душу это сводится к одному и тому же). Но он может сделать это как серьезно и страстно, так и шутливо и весело, смотря по тому, пребывает ли он в области воли или в области рассудка. Первое совершает сатира бичующая, или патетическая, второе – сатира шуточная» [5, с. 429].

Если «сатира бичующая» соответствует понятию «демократическая сатира» В. П. Адриановой-Перетц, то «сатира шуточная» – понятию «общественная сатира» А. С. Архангельского. Это выражается главным образом в том, что он включает и юмористические, и сатирические повести в «область шутливой беллетристики». Такой подход к «смехотворным повестям» более или менее разделяют многие исследователи этого периода. Например, П. Н. Полевой определяет «Сказание о куре и лисице» как «шутливую сатиру», и то же понятие применяет Е. В. Петухов к «Повести о Шемякинском суде».

Проблема связи смеховой литературы с сатирой (вне зависимости от того, является ли эта сатира «патетической» или «шутливой») требует специального исследования, поскольку в некоторых смеховых текстах действительно содержатся сатирические элементы, и именно эта сторона будет подчеркнута в исследовании В. П. Адриановой-Перетц.

Рассматривая понятие «демократическая сатира», мы остановимся более подробно на этой проблеме. Другими словами, здесь мы ограничимся рассмотрением одной из проблем, связанных с особенностями «средневековой сатиры», отличающейся от сатиры Нового времени.

Как правило, авторы смеховой литературы – не только русской, но и средневековой западноевропейской литературы – находились на низшей ступени иерархической лестницы феодального общества, на его периферии. Поэтому за смехом, обращенным ко всему миру, стоит их недовольство своим положением, протест против официальной идеологии и картины мира. Но бесплодность и бессмысленность своего протеста против настоящего мира полностью осознаны авторами смеховой литературы. Из этого вытекает, что пессимистическое чувство трагичности бытия более или менее имманентно смеховой литературе. Чувство трагичности бытия и связанное с этим соединение комического с трагическим более или менее характерны не только для русской смеховой литературы, но и для литературы польской, совизжальской и даже литературы западной. В частности, такое трагическое чувство выражено более ясно в том произведении, в котором высказывается позиция авторов смеховой литературы. В качестве примера можно привести пародию на официальную охранную грамоту от «архипримаса» вагантского ордена для какой-то австрийской церкви в защиту от поборов со стороны странствующей братии: «Во имя святейшей Пропойцы! Я, Суриан, недолею людской глупости епископ и архиприма́с всей школярской празднобродной братии в Австрии, Штирии, Баварии и Моравии, всем магистрам, коллегам и ученикам названной братии вечного желаю труждания в холоде и голоде, нагоде и босоте».

Другими словами, братии этого «архипримаса» предназначено «чужими кусками разживляться» и «странничать в истоме неистомной», а судьба братии сравнивается с «листом древесным по ветру или искрой огненной по хворосту». Красноречиво изображается и несчастливая жизнь братии: «в скудости, бедности,

убогости, гладом гонимые, жаждой томимые, от холода в дрожи, под стужею без одежды, ртами зияя, дырами сияя, под рубищем нагие, одной ногой босые, из мирских домов извергаемые, от монастырских столов отвергаемые, как те мыши летучие, коим места нет ни меж зверьми, ни меж птицами...»

Откуда возникает такое трагическое чувство? Как отмечает М. Л. Гаспаров, «у вагантов не было социальной опоры, не было положительной программы, двигателем их протеста была лишь обида „интеллигента“ – человека образованного, которого общество выучило, но не вознаградило» [2, с. 508–509]. Именно из-за бесперспективности своей оппозиции современному обществу ваганты-поэты прибегают к смеху, обращенному ко всему миру, в том числе к самим смеющимся.

Как ваганты, так и авторы русской смеховой литературы осознавали бесперспективность своей оппозиции; и те и другие через комическую инверсию трагического бытия создают смех, направленный на весь мир, в том числе на самих смеющихся. Из этого следует, что слияние смешного и несмешного воедино более или менее свойственно смеховой литературе.

К этому можно добавить, что смеховая литература по сути структурно аналогична «материнской» культуре. По мнению М. М. Бахтина, для западноевропейской средневековой смеховой культуры характерны «логика „обратности“, „наоборот“, „наизнанку“, логика непрерывных перемещений верха и низа („колесо“), лица и зада» и «разнообразные виды пародий и травестий» [1, с. 207]. Такая логика не чужда и русской смеховой культуре. Как в смеховой культуре, так и в смеховой литературе пародия играет одну из самых важных ролей с точки зрения их структуры.

Их структурное тождество позволяет предполагать, что смеховая литература произошла от смеховой культуры Древней Руси. В самом деле, по нашему мнению, смеховая литература XVII в. представляет собой результат словесной фиксации смеховой культуры. Из этого следует, что возникновение смеховой литературы в основном было обусловлено внутренней логикой развития русской культуры. В этом процессе влияние чужих культур играет вторичную роль, хотя является важным и необходимым элементом.

Поэтому отправным пунктом исследования смеховой литературы XVII в. является рассмотрение связи с ее «материнской» культурой и, главным образом, рассмотрение характера комического начала, лежащего в основе их структурного тождества.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1965. – 424 с.
2. Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов / М. Л. Гаспаров. – М., 1975. – 518 с.
3. Лотман Ю. М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // *Вопр. лит.* – 1977. – № 3. – С. 154–176.
4. Панченко А. М. Литература переходного века / А. М. Панченко // *История русской литературы* : в 4 т. – Т. 1. – Л., 1980. – 546 с.
5. Шиллер С. О наивной и сентиментальной поэзии / С. Шиллер // *Собр. соч.* : в 8 т. – Т. 6. – М., 1950. – С. 422–445.

Надійшла до редколегії 22.03.2012 р.